

На сцене — неизвестная опера Россини

Творчество великого итальянского композитора Джоаккино Россини до сих пор изучено недостаточно, и поэтому огромную радость доставляют новые неожиданные находки, одной из которых стало открытие партитуры его оперы «Путешествие в Реймс», считавшейся утраченной и сейчас обретающей свою вторую жизнь на сцене.

Джованни БУТТАФАВА

«ЭСПРЕССО», РИМ.

Главный дирижер театра «Ла Скала» Клаудио Аббадо находится эти дни в Пезаро, на родине Россини, где идет подготовка к очередному фестивалю, посвященному прославленному композитору. На этот раз в центре фестиваля будет опера Россини «Путешествие в Реймс», или «Гостиница «Золотая лилия». Впервые опера была исполнена 159 лет назад в парижском Итальянском театре по случаю празднеств в честь коронации Карла X. Спектакль затем был дважды повторен и после еще одного представления в том же, 1825 году никогда больше не появлялся на сцене.

Примерно половина музыкального материала к «Путешествию в Реймс» была использована Россини в другой его опере, «Граф Ори» (1828 год) (эта комическая опера на фламандском языке также будет показана в этом году на фестивале в Пезаро, и сопоставление двух произведений будет весьма интересно); другая же половина была лишь недавно найдена среди неопубликованных фолдов библиотеки музыкальной академии Санта Чечилия в Риме. Причина ее «исчезновения» известна: вдова Россини Олимпия Пелисье, чрезвычайно искусная в ведении финансовых дел, имела обыкновение расплачиваться с кредиторами автогра-

фами мужа. Так, в оплату счета личного врача композитора пошла рукопись «Путешествия в Реймс».

Ныне эта «практически не изданная» партитура объединена с переработанными частями музыки «Графа Ори» и возвращена по мере возможности к первоначальному варианту. Вот эту-то «почти новую» оперу и готовит сейчас Клаудио Аббадо.

«Пестрая, разноязыкая группа путешественников застревает в гостинице Пломбьера и не может вовремя прибыть в Реймс, на коронацию Карла X. Они утешаются пирригами, попойками и пением песен в честь нового монарха (среди всего прочего происходит как бы соревнование национальных гимнов в исполнении «знаменитой римской импровизаторши» Коринны, польской маркизы и англичанина, который, естественно, затягивает «Боже, спаси короля» и т. д.). В спектакле нет одной господствующей сюжетной линии: действующие лица «пересекаются» и вступают в общение друг с другом совершенно свободно.

Режиссером спектакля будет Лука Ронкони, прославившийся своей постановкой «Неистового Орландо» и другими новаторскими спектаклями, — рассказывает Аббадо. — Мы придумали с ним кое-что необычное. Вместо одной сцены будет три: одна центральная, побольше, и две меньшие по краям. На каждой будет стоять по кла-

Джоаккино Россини.

Фото «Эспрессо», Рим.

весилу. В речитативах певицы будут переходить от клавиесина к клавишину, как на концертах, где у каждого исполнителя свой аккомпаниатор. Ведь «Путешествие в Реймс» — это, по сути дела, грандиозный парад певцов.

При первом исполнении на сцене было представлено все лучшее, чем располагала тогда европейская школа бельканто во главе с «несравненной» Джудиттой Пастой. Подобрать в современных условиях аналог голосу Пасты — вот одна из самых сложных задач, которые «Путешествие в Реймс» ставит перед постановщиками. Мендоччинонтролью с таким огромным диапазоном, что она могла петь даже «Норму», — вот какова была эта певица, недаром слышавшая одним из «идолов века».

— Мы попробовали нескольких мендоччино, но партия оказалась для них чересчур высоковата, и потому мы остановили свой выбор на «чистом» соп-

рано — Кате Риччарелли, — говорит Аббадо.

К счастью, для остальных ролей удалось подобрать «комплект» россиниевских голосов.

Итак, «Путешествие в Реймс» — как то и было задумано автором — должно стать парадом «всех звезд».

Если «Путешествие в Реймс» расширит наше знакомство с музыкальным наследием Россини, то в ближайшие годы нам предстоит лучше узнать и его человеческий облик, глубже проникнуть в тайники творческой личности. Фонд Россини, вот уже много лет занимающийся изданием его партитур (в 1984 году выйдет «Танкред»), наконец вышел в лице «Банка попаларе пе, зарезе» покровителя, готового финансировать грандиозное издательское предприятие: публикацию полного собрания писем композитора.

— Пока в нашем распоряжении есть лишь старый том переписки, выпущенный в 1902 году, — говорит художественный директор Фонда Россини и страстный исследователь его творчества Бруно Кальби. — В нем от силы триста писем; даже если прибавить к ним те, что были преданы гласности в последующие годы, это составит не более 10—15 процентов от общего объема эпистолярного наследия композитора, насчитывающего не менее 4 тысяч писем к и от Россини.

Самой интересной в этом собрании является, конечно, переписка итальянского периода молодого Россини, автора «Севильского цирюльника».

— По сути дела, — говорит Кальби, — мы ничего не знаем о его творческих исканиях тех лет. Старая переписка, изданная в 1902 году (не говоря уже о том, что редакторы постарались «причесать» Россини, который делал множество грамматических ошибок), содержала лишь 18 писем этого периода, да и то

2 из них оказались фальшивыми. Поэтому выход в свет первого тома нового издания, запланированный на 1986 год, будет немалым событием. Многие впервые откроют для себя, что легенда о Россини, якобы готового положить на музыку любой текст, выдумана от начала до конца: композитор в точности знал, чего он хочет, отвергал многие либретто, яростно спорил с их авторами. Много нового откроется и в том клубке интриг, которыми был опутан Итальянский театр, в особенности в парижском периоде жизни маэстро.

Чего письма не опровергают и чему, наоборот, дают новые подтверждения, — так это его знаменитый юмор.

— О нем никогда нельзя сказать, говорит ли он серьезно, или шутит, — комментирует Кальби. — Доказательством может служить неизданное письмо 1864 года, адресованное композитором известному парижскому фотографу и карикатуристу Надару, который перед тем обратился к Россини с просьбой разрешить ему обнародовать некоторые шуточные шаржи на музыканта. «Настоящим уполномочиваю вас, — ответил Россини, — публиковать карикатуры на меня, но ставлю при этом одно условие. Он может изображать меня по своему усмотрению верхом, в карете, сидящим, стоящим и т. д. и т. п. Категорически исключаются лишь поезда и воздушный шар, ибо в этом случае читатели наверняка не узнали бы меня». Так «закоренелый консерватор» Россини ответил на толки по поводу «дьявольских» транспортных новинек своего времени. Подобно своим «путешественникам в Реймс», он предпочитал передвигаться по старинке: спокойно и не спеша. И, уж конечно, не пропускать постоянных дворов с аппетитными изобретениями на вывесках.